

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2020, 11(2): 109-128

DOI: 10.13187/rs.2020.2.109
www.ejournal15.com

Evolution of Models of Demographic Behavior of Russian Ethnic Groups in the 1930s

Sergei A. Kropachev ^{a, *}

^a Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to changes in the demographic behavior of Russian ethnic groups in the 1930s, which occurred primarily under the influence of extremely negative exogenous factors. Birth, death, marriage, divorce, diseases, education and literacy levels, religious beliefs, and other demographic indicators of peoples are analyzed in the context of political processes, global social experiments, and cataclysms. In these conditions, it was difficult for many ethnic groups, especially small ones, to preserve their national roots, identity, including cultural identity. The article examines the factors that determined the way of life and quality of life of the Russian people for many years to come.

Keywords: 1930s, administrative and territorial division demography, ethnic groups, repressive policy, RSFSR, Russia.

1. Введение

Статья посвящена сложным, противоречивым проблемам демографического поведения этносов России, которое быстро менялось под влиянием революционных событий в политической, экономической, социальной, культурной сферах. Хронологические рамки статьи охватывают период с 1930 г., когда появились первые тревожные признаки обострения демографической ситуации в стране, до 17 сентября 1939 г. – начала глобальных изменений границ СССР, присоединения стран и народов в условиях начавшейся Второй мировой войны.

Политика «большого скачка», объявленная И.В. Сталиным в 1929 г., привела к глубоким изменениям и в демографическом развитии этносов, населявших в то время СССР и Россию. 1930-е гг. после относительно стабильного десятилетия нэпа вместили в себя многочисленные беды и катастрофы, которых с лихвой хватило бы и на сто лет. Последствия массового голода 1932–1933 гг., миграций, депортаций, раскулачивания и раскрестьянивания, «Большого террора», локальных войн, введения полувоенной трудовой повинности на долгие годы определили уклад и качество жизни народов России, кардинальным образом повлияли на их демографическое поведение.

Резкие перепады в характеристиках численности и удельном весе этносов страны в 1930-е гг. объясняются, прежде всего, влиянием крайне негативных экзогенных факторов.

* Corresponding author
 E-mail addresses: rektor@eipk.info (S.A. Kropachev)

2. Материалы и методы

Первым экзогенным фактором стали массовые миграции населения. Причины и условия миграций были различными, но все они имели разрушительные последствия для судеб народов, их демографического здоровья. Выделим четыре типа миграций в 1930-е гг.: 1) насильственные миграции зажиточных крестьян, или «кулацкая ссылка»; 2) сезонные миграции (Исупов, 2000: 79, 82, 84); 3) организованные миграции (Исупов 2000: 84–85; Всесоюзная перепись, 1937: 7); 4) фактические (латентные) миграции крестьян в города от коллективизации и голода, в поисках лучшей доли.

Массовым бедствием в ходе коллективизации в 1930–1931 гг. стали раскулачивание и депортация зажиточных крестьян (как кулаков, так и середняков). В этот период насильственной высылке подверглось 381 173 семьи, или 1 803 392 человека (Исупов, 2000: 81). Большая их часть поступила на спецпоселения (Земсков, 2005: 281). Кроме этого, принудительному переселению в 1930-е гг. подверглось еще около 700 тыс. человек. Это так называемый «сомнительный элемент» из пограничных зон, деклассированные жители городов и др. (Земсков, 2005: 281).

Апогеем борьбы с крестьянством стало принятие чрезвычайных постановлений ЦИК и СНК СССР в августе 1932 г., жестоко каравших, прежде всего, жителей деревни за хищения хлеба и спекуляцию (в том числе и зерном). По этим постановлениям вводилась ответственность вплоть до смертной казни (История Гулага, 2004: 647–649). В августе 1933 г. 44-й пленум Верховного Суда СССР подвел итог применения постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. (Закона о «семи колосках») за период с момента издания до 1 июля 1933 г. По неполным данным, цифра осужденных составила 293 201 человек, из них к расстрелу было приговорено 13 844 и к 10 годам лишения свободы – 165 967 человек (История Гулага, 2004: 650).

Вторым экзогенным фактором, повлиявшим на демографическое развитие этносов, стало насильственное переселение народов в середине 1930-х гг. В СССР депортации были организованы по социальному (кулаки), этническому («неблагонадежные» и «наказанные» народы), религиозному (представители «подозрительных» конфессий) и политическому (власовцы, оуновцы) признакам. Примером первых массовых депортаций середины 1930-х гг., осуществленных по национальной принадлежности, стало насильственное переселение в 1935 г. из Ленинградской области и Карелии 23 217 финнов, в 1936 г. из УССР (районы вблизи границ с Польшей) 69 283 поляков, в 1937 г. из Армении, Азербайджана, Туркмении, Узбекистана и Таджикистана 4 280 курдов (Земсков, 2005: 78–82). Но самым массовым и трагичным было переселение в конце сентября 1937 г. с территории советского Дальнего Востока 171 781 корейца (36 442 семьи) (Лубянка, 2004: 651). Корейцы были депортированы на основании постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) «О корейцах» от 21 августа и 23 сентября 1937 г. Они определили районы Дальневосточного края, откуда должны были переселяться корейцы, сроки, масштабы и порядок депортаций. Насильственное переселение прошло под девизом «пресечения проникновения японского шпионажа в ДВК» (Лубянка, 2004: 325–327).

Всего в середине 1930-х гг. был депортирован по этническому признаку 268 561 человек. Учитывая высокую смертность во время транспортировки и на спецпоселениях, можно предположить, что около 50 тыс. из них погибли (Земсков, 2005: 281).

Настоящим бедствием для всех народов СССР стал «Большой террор» 1937–1938 гг. Термин «Большой террор» был введен в научный оборот в 1968 г. английским исследователем Р. Конквестом. Сегодня существуют различные трактовки хронологических рамок «Большого террора», как правило, охватывающих 1930-е гг. (1934–1938, 1936–1938 гг. и др.). Мы понимаем под «Большим террором» события 1937–1938 гг., когда в стране выполнялся приказ наркома внутренних дел СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов (Лубянка, 2004: 273–281). Он определил порядок, сроки, масштабы репрессий «антисоветских элементов», утвердил персональный состав республиканских, краевых и областных «троек», организацию их работы и полномочия (Лубянка, 2004: 273–281). Всего в 1937–1938 гг. было принято более 70 документов, регламентировавших проведение массовых репрессий в СССР. Это всевозможные постановления, приказы, директивы, циркуляры, письма, шифротелеграммы, почтотелеграммы, спецсообщения Политбюро ЦК

ВКП(б), НКВД СССР, Прокуратуры СССР, многие из которых носили секретный характер (Кропачев, 2010: 114–121).

В соответствии с приказом № 00447 все репресслируемые по мерам наказания разбивались на две категории. К первой относились все наиболее враждебные «антисоветские элементы». Они подлежали «немедленному аресту и по рассмотрении их дел на тройках – расстрелу» (Лубянка, 2004: 274). Ко второй категории относились «все остальные, менее активные, но всё же враждебные элементы». Они подлежали «аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них заключению на те же сроки в тюрьмы по определению тройки». Степень «враждебности» и социальной «опасности» «антисоветских элементов» определяли органы НКВД. Цена решения «тройки» была очень высока. Отнесение «тройкой» репресслируемого к первой категории означало неминуемую скорую смерть, ко второй – смерть, но мучительную и долгую. Был определен длинный перечень «контингентов», подлежащих репрессиям (Лубянка, 2004: 274). Обращает на себя внимание, что в очередной раз большевистский режим на одну доску поставил своих бывших политических противников («члены антисоветских партий», «белые») и уголовников («бандиты», «грабители», «воры-рецидивисты» и др.). Приравняв к бандитам так называемые «антисоветские элементы», коммунистическая система поставила последних вне закона.

Операция по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других «антисоветских элементов» началась в августе 1937 г. и должна была закончиться в четырехмесячный срок (Лубянка, 2004: 273, 277). В приказе № 00447 было определено конкретное количество лиц, подлежащих репрессиям по первой и второй категориям по каждой республике, краю и области. Всего по стране «в плановом порядке» предстояло репрессировать по первой и второй категориям 268 950 человек (Лубянка, 2004: 275–276).

Данные цифры являлись «ориентировочными». Но наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений не имели права «самостоятельно их превышать». Разрешалось «уменьшать цифры» и переводить «лиц, намеченных к репрессированию по первой категории, во вторую категорию и наоборот...» (Лубянка, 2004: 276–277). В тех «случаях, когда обстановка будет требовать увеличения утвержденных цифр, наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД обязаны» были предоставить народному комиссару внутренних дел СССР «соответствующие мотивированные ходатайства» (Лубянка, 2004: 277).

Надо отметить, что наркомы НКВД республик и начальники управлений НКВД краев и областей активно воспользовались своим правом на «мотивированные ходатайства» об увеличении «плановых заданий» («лимитов») в отношении лиц, подлежащих репрессиям, а правом на «уменьшение цифр» – нет (Лубянка, 2004: 275, 276, 322, 325, 330, 644, 651).

Фактически неограниченные полномочия «троек», рассматривавших дела заочно, в ускоренном порядке, осуждавших подсудимых списками, а также упрощенный порядок расследования и рассмотрения дел о террористических организациях, террористических актах, вредительстве и диверсиях, принятый постановлениями ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. и 14 сентября 1937 г. (История государства, 1999: 294), привели к массовому произволу и беззаконию.

Начиная с середины 1937 г., в органах внутренних дел начинается неофициальное соцсоревнование по массовому разоблачению врагов народа. Волны доноительства и шпиономания захлестнули страну. Всё это происходило на фоне мощнейших идеологических и пропагандистских кампаний, нагнетания массового политического психоза и истерии. Выявление многочисленных шпионов, диверсантов, пособников вражеских разведок поддерживалось на собраниях интеллигенции, рабочих и колхозников (Кропачев, 2011: 116–124).

В итоге за короткое время в стране было арестовано, осуждено и расстреляно огромное число невинных граждан. В 1937–1938 гг. в СССР подверглись аресту 3 141 444 человека, из них 1 575 259 – по обвинению в политических преступлениях и 1 566 185 – уголовных. В эти годы по политическим мотивам было осуждено 1 344 923 человека, из них 681 692, или 50,7 % приговорено к расстрелу (Население России, 2000: 318). Государство ежедневно убивало тысячу своих невинных граждан. Кроме того, в исправительно-трудовых лагерях, исправительно-трудовых колониях и тюрьмах в эти годы от различных причин умерло

160 084 заключенных (Население России, 2000: 320; Исупов, 2000: 118). Часть их них была осуждена по политическим мотивам (Земсков, 1991: 152). Добавим к двум последним цифрам некоторый процент тех политических, кто был осужден и расстрелян по уголовным статьям или умер в эти годы в ГУЛАГе, получим неутешительный итог. В 1937–1938 гг. в результате организованного террора страна потеряла около 1 млн человек погибшими (Исупов, 2000: 118). Если принять во внимание, что большинство из «политических», уничтоженных в эти годы, были мужчины в трудоспособном возрасте, многие из которых имели определенный социальный статус, профессиональный опыт, образование, то не трудно представить катастрофические последствия «Большого террора» для судеб страны и армии за несколько месяцев до начала Второй мировой войны.

В годы «Большого террора» НКВД СССР было проведено десять национальных операций: польская, немецкая, греческая, латышская (латвийская), эстонская, финская, румынская, иранская, афганская и харбинская (харбино-японская). Этнические депортации и национальные операции середины – второй половины 1930-х гг. были направлены против выходцев из тех стран, которые, по мнению сталинского руководства, составляли вражеское окружение по периметру границы СССР. Это Польша, Латвия, Эстония, Финляндия, Румыния, Иран и Афганистан. Также были депортированы или репрессированы этносы, чьи метрополии представляли явную или скрытую для Советского Союза угрозу, – Германия, Корея, Греция. Эти меры, с точки зрения Сталина и его окружения, носили прелиминарный характер, были направлены против несуществующей пятой колонны. Все операции НКВД, как уже это было сказано, осуществлялись против представителей конкретного «враждебного народа». Но было одно исключение. В 1935 г., после продажи Китайско-восточной железной дороги (КВЖД), в СССР прибыло более 20 тыс. харбинцев (или кавэжединцев). Из них около 5 тыс. являлись работниками КВЖД, остальные были членами их семей. Они проживали в городе Харбине (Манчжурия), где были созданы все условия для сохранения русскими своих этнических корней. Большинство харбинцев были репрессированы не по национальному признаку, а как японские шпионы. В итоге в 1933–1941 гг. в СССР было «разоблачено» и осуждено 53 тыс. «японских шпионов» различных национальностей, т.е. в 2,5 раза больше, чем всех прибывших в СССР кавэжединцев (харбинцев) (Кропачев, 2018: 119).

В середине 1930-х гг. СССР захлестнули волны шпиономании. Везде искали «польских», «немецких», «японских», «иранских» и других «шпионов». Понадобилась специальная, одиннадцатая операция НКВД СССР, в ходе которой по национальным линиям арестовывались и разоблачались литовские, болгарские, македонские, китайские, английские, американские, югославские «шпионы». Все они в «шпионской статистике» НКВД значились как категория «прочие» (Лубянка, 2004: 660).

В торопливом порыве выполнить очередные «лимиты» (плановые задания по разоблачению врагов народа) работникам НКВД некогда было сортировать предателей Родины по национальным линиям. Так, по состоянию на конец марта 1938 г., в Свердловской области по «немецкой» операции арестовали 4 142 человека, из них немцев было только 390 человек, по «польской» операции – 4 218 человек, из них поляков – 390, по «харбинской» – 1 249 человек, из них харбинцев – 42, по «латвийской» – 237 человек, из них латышей – 12, по «румынской» – один румын и 96 русских, по «финской» – ни одного финна, но было арестовано 5 русских, 8 евреев и 2 прочих (Лубянка, 2004: 659).

В Краснодарском крае в ходе осуществления «польской операции», помимо поляков, были репрессированы граждане девятнадцати национальностей: русские, армяне, белорусы, евреи, украинцы, немцы, литовцы, чехи, латыши, греки, австрийцы, болгары, эстонцы и др. (Кропачев, Селицкий, 2016: 23).

Национальные операции, как уже отмечалось, были проведены в отношении выходцев из стран «враждебного окружения». При этом основным критерием преступности было наличие любого рода связи с другим государством, а национальность становилась основанием для подозрений. Но в преступной гонке за выполнением «лимитов» и эти критерии не соблюдались. На определенном этапе органы НКВД вышли из-под контроля партии и государства, а террор стал всеобщим, лишенным любой логики.

Последствия национальных операций были ужасными. Так, по «польской операции» было арестовано 143 810 человек разных национальностей, из которых осуждено

139 835 человек. К расстрелу было приговорено 111 091 человек, что составляет 79,4 % от числа осужденных ([Репрессии против поляков, 1997: 33](#)). В ходе «греческой операции» было репрессировано от 13 500 до 14 000 человек, из которых около 11 000 было расстреляно. Это составляет около 80 % от всех репрессированных (данные И.Г. Джухи на 08.05.2020).

По некоторым данным, в ходе всех национальных операций НКВД в СССР в 1937–1938 гг. было осуждено около 350 тыс. человек, 71 % их них приговорен к смертной казни ([Кропачев, 2009: 212](#)). Данные цифры нуждаются в уточнении.

Еще один внешний фактор, определивший жизнь народов на длительный период, связан с введением фактически полувоенной трудовой повинности, форсированным воспроизводством системы принудительного труда. Не успели высохнуть чернила на постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» ([Лубянка, 2004: 607-611](#)), формально критиковавшем массовый произвол и насилие, как в декабре 1938 г. и мае 1939 г. принимаются решения, направленные на ужесточение трудовой дисциплины рабочих и колхозников ([История государства, 1999: 288](#)). Так, в соответствии с постановлением СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле» от 28 декабря 1938 г. рабочим и служащим грозило автоматическое увольнение и выселение из ведомственных общежитий и квартир за три опоздания на работу на двадцать минут в течение одного месяца или за четыре опоздания в пределах двух месяцев ([Соломон, 1998: 294](#)). С 1939 г. рабочим и служащим в обязательном порядке выдавались трудовые книжки, в которые заносились все санкции дисциплинарного порядка ([Соломон, 1998: 294](#)).

27 мая 1939 г. выходит постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания», которым предусматривалось изъятие излишков земель приусадебных участков колхозников в пользу коллективных хозяйств. Размеры приусадебных хозяйств приводились к нормам, предусмотренным примерным уставом сельхозартели. В дальнейшем за нарушение таких норм устанавливалась уголовная ответственность колхозников и руководителей хозяйств. Мощным способом активного принуждения колхозников к общественному труду стало установление для каждого из них обязательного минимума трудодней – от 60 до 100 в год, в зависимости от региональных особенностей. За несоблюдение этой нормы колхозы обязаны были исключать провинившихся из числа своих членов. Нарушитель терял права колхозников, прежде всего, право на приусадебный участок ([История государства, 1999: 288](#)).

Таким образом продолжался процесс прикрепления рабочих и служащих к производству, а крестьянства – не только к колхозам, но и в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от декабря 1932 г. об установлении единой паспортной системы – к своим селам.

В последующие годы меры по ужесточению трудовой дисциплины, абсолютизации трудовой повинности коснулись не только рабочих, служащих и колхозников, но и работников машинно-тракторных станций, учащихся системы государственных трудовых резервов (ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО) и других категорий граждан.

События 1930-х гг. в политической, экономической, социальной и иных сферах оказали прямое негативное воздействие на основные показатели демографического здоровья народов. Современные исследователи, обращаясь к показателям учета населения тех лет, во-первых, отмечают их несовершенство, неполноту данных, во-вторых, сознательное искажение в угоду политической конъюнктуре ([Жиромская, 2001: 11, 13; Исупов, 2000: 19-22, 80, 91, 92](#)). Так, в 1930–1933 гг. в СССР статистики не зарегистрировали 94 % смертей ([Исупов, 2000: 80](#)). Проведенная в январе 1937 г. Всесоюзная перепись населения была объявлена дефектной, а ее материалы были засекречены ([Всесоюзная перепись, 1937: 288](#)). Произошло это потому, что перепись приоткрыла завесу над масштабами демографических потерь, не подтвердила пропагандистских лозунгов о сплошной грамотности населения, его всеобщем атеизме, обнажила деформации в возрастно-половой пирамиде и др. Итоги переписи 1937 г. не соответствовали данным по основным демографическим критериям, которые уже были провозглашены советским руководством ([Всесоюзная перепись, 1937: 22](#)).

Всё это говорит о том, что дать объективную оценку показателям развития народов СССР и России в 1930-е гг. весьма сложно. Тем не менее развитие исторической и демографической науки, публикация ранее засекреченных источников, современные подходы и методики позволяют дать принципиальные характеристики основных количественных показателей жизни этносов в эти годы.

Одним из самых острых вопросов являются масштабы голода 1932–1933 гг. Он стал следствием коллективизации, разрушения деревни, раскрестьянивания, уничтожения уклада жизни сельских жителей. Определить потери от голода очень сложно из-за неполной и неточной источниковой базы, а также крайней политизации этой проблемы. Например, в Украине голодомор еще недавно рассматривался как рукотворное явление, имевшее целью геноцид украинцев ([Население России, 2000: 275](#)).

В РСФСР демографическая катастрофа начала 1930-х гг. привела к гибели в 1933 г. 3 млн человек ([Жиромская, 2001: 12-13](#)). В том числе в Поволжье от голода погибло 400 тыс., на Северном Кавказе – 1 млн человек ([Население России, 2000: 275-276](#)).

В СССР общий коэффициент смертности в 1933 г. достиг поистине апокалипсической отметки, составив почти 72 %. Таким образом, в этом году были превышены показатели смертности, характерные для периода революции и Гражданской войны. Значительно сократилась средняя продолжительность жизни мужчин и женщин. Очень высокой была детская смертность. Из-за голода и отсутствия медицинской помощи из каждых десяти родившихся младенцев погибало трое.

Голод сопровождался массовыми болезнями, прежде всего, обусловленными негативными факторами внешней среды. Среди них были острые и хронические инфекции, паразитарные болезни, желудочно-кишечные заболевания. Ослабленный длительным хроническим недоеданием, человеческий организм быстро терял сопротивляемость и иммунную защиту ([Исупов, 2000: 92, 93, 95-98](#)).

Всего в СССР в 1933 г. умерло 11 450 тыс. человек. Сверхсмертность (от голода и болезней) составила около 7 млн человека ([Исупов, 2000: 93; Население России, 2000: 276](#)). Даже с учетом неполных и несовершенных статистических данных, результаты коллективизации были губительными для крестьянства и сельского хозяйства. Начиная с 1935 г. текущий учет населения и в селах, и в городах был достаточно полным, охватывая более 95 % всего населения Российской Федерации ([Жиромская, 2001: 11](#)).

Важнейшими источниками для характеристики демографического развития народов СССР и России в 1930-е гг. являются материалы Всесоюзных переписей 1937 и 1939 гг. «Репрессированная» перепись 1937 г. зафиксировала в СССР 162 039 470 человек ([Всесоюзная перепись, 1937: 47](#)). Это было почти на 19 млн меньше, чем ожидало советское руководство. Фактический ежегодный прирост населения составлял не 3,37 млн (на что рассчитывали советские статистики) и даже не 3 млн (о чем неоднократно говорил Сталин), а всего 1,41 млн человек. Что было крайне мало и никак не отражало успехов социалистического строительства ([Исупов, 2000: 19](#)). В Российской Федерации на январь 1937 г. проживало 103 967 924 человека ([Всесоюзная перепись, 1937: 45](#)).

Проведенная через два года Всесоюзная перепись 1939 г. зарегистрировала в СССР 170 557 098 человек. Что более устраивало советское руководство. Современные исследования говорят о том, что материалы переписи были сфальсифицированы. На самом деле, в СССР проживало от 168,1 до 168,9 млн человек. То есть меньше на 1,6–2,4 млн человек. Это относительно немного, и материалы переписи могут быть использованы, «но при условии коррекции» ([Исупов, 2000: 21-22](#)). В РСФСР на январь 1939 г. проживало 109 397 463 человека ([Всесоюзная перепись, 1939: 21](#)). С учетом коррекции, предложенной В.Б. Жиромской, эти данные могут быть уточнены и составят 107,8 млн человек ([Араловец, 2009: 26-27](#)).

В 1930-е гг. в РСФСР прошли крупные административно-территориальные реформы. Они существенно повлияли на уклад жизни народов и изменили границы субъектов республики. Эта тема имеет самостоятельное научное значение, поэтому назовем лишь наиболее значимые территориальные преобразования этих лет. В 1936 г. из состава РСФСР вышли Казахская Автономная Социалистическая Советская Республика (АССР), вместе с Кара-Калпакской автономной областью (АО), и Киргизская АССР, преобразованные в союзные республики. В 1930-е гг. продолжилось создание национальных округов в местах

компактного проживания малочисленных северных народов. Всего к концу десятилетия в составе РСФСР насчитывалось десять национальных округов: Агинский Бурят-Монгольский (создан в 1937 г.), Коми-Пермяцкий (1925 г.), Корякский (1930 г.), Ненецкий (1929 г.), Таймырский (Долгано-Ненецкий, 1930 г.), Усть-Ордынский Бурят-Монгольский (1937 г.), Ханты-Мансийский (1930 г.), Чукотский (1930 г.), Эвенкийский (1930 г.), Ямало-Ненецкий (1930 г.). Они входили в состав Читинской, Молотовской (Пермской), Камчатской, Архангельской, Иркутской, Омской (затем Тюменской) областей и Красноярского края.

Был повышен статус ряда национальных автономий. Несколько автономных областей были преобразованы в автономные республики: Коми (Зырянская) АО в Коми АССР, Вотская АО в Удмуртскую АССР, Марийская АО в Марийскую АССР, Калмыцкая АО в Калмыцкую АССР, Кабардино-Балкарская АО в Кабардино-Балкарскую АССР, Северо-Осетинская АО в Северо-Осетинскую АССР, Мордовская АО в Мордовскую АССР. Чеченская АО и Ингушская АО были объединены в Чечено-Ингушскую АССР. Всего в РСФСР к концу 1930-х гг. насчитывалось 17 АССР и 6 АО (Адыгейская, Карачаевская, Черкесская, Ойротская, Хакасская, Еврейская).

В 1930-е гг. были проведены реорганизации краев, являвшихся крупными административными единицами. 10 января 1934 г. Северо-Кавказский край был разделен на собственно Северо-Кавказский и Азово-Черноморский края. 13 марта 1937 г. Северо-Кавказский край был переименован в Орджоникидзевский (Ставропольский) край. 13 сентября 1937 г. Азово-Черноморский край был разделен на Краснодарский край и Ростовскую область. 28 сентября 1937 г. из Западно-Сибирского края (ЗСК) были выделены Новосибирская область и Алтайский край. 20 октября 1938 г. из Дальне-Восточного края (ДВК) были выделены Хабаровский и Приморский края. Огромные административные единицы – ЗСК и ДВК – перестали существовать. К концу 1930-х гг. в РСФСР насчитывалось шесть краев: Алтайский, Краснодарский, Красноярский, Орджоникидзевский, Приморский и Хабаровский. В них в качестве автономий входили области, автономные области и национальные округа.

В РСФСР также входило 35 областей (бывших губерний). Четыре области (Амурская, Нижнеамурская, Камчатская и Сахалинская) являлись частью Хабаровского, Уссурийская область – Приморского краев. Карта РСФСР была весьма обширной и пестрой. Республика состояла из 76 административных единиц: 6 краев, 35 областей, 17 автономных республик, 6 автономных областей, 10 национальных округов, двух городов федерального подчинения – Москвы и Ленинграда. РСФСР по размеру территории и численности населения являлась самой большой республикой СССР. Именно ресурсы РСФСР (население, территория, русский характер, военно-промышленный потенциал, аграрный сектор) сыграли решающую роль в победе над фашизмом.

Таким же разнообразным, как и административно-территориальное деление, был национальный состав всех субъектов РСФСР. Как известно, перепись населения 1926 г. зафиксировала на территории СССР около 200 этносов. Были учтены даже самые малые национальные единицы (Поляков, 1986: 156; Жиромская, 2001: 75, 79). Перепись 1937 г. выявила данные по 109, перепись 1939 г. – по 57 этносам (Всесоюзная перепись, 1937: 20; Всесоюзная перепись, 1939: 57, 58, 246).

На наш взгляд, существует несколько причин, повлиявших на сокращение количества национальностей, которые нашли свое отражение в переписях. Первая причина бюрократическая. Чиновники механически присоединяли этнические группы с очень малым числом представителей, в целях экономии места, к более крупным родственным единицам. Не учитывалось, что даже малые этносы могут являться и являются носителями уникальных языков, исторических знаний, культурных традиций, религиозных верований. Вторая причина заключалась в продолжавшихся процессах ассимиляции и этнической интеграции. После 1917 г., впервые за более чем два столетия истории России, русские стали составлять большинство населения (Поляков, 1986: 154, 156). Ассимиляция малых народов осуществлялась, как правило, в пользу русского этноса, языка и культуры. Была еще одна, самая важная, причина уменьшения численности этносов и отражения этого процесса в переписях. Речь идет о сокращении количества аборигенных народов российского Севера (север европейской части страны, Сибирь и Дальний Восток). Народы Севера в подавляющем большинстве не были знакомы с элементарными правилами гигиены

и существовали в условиях антисанитарии. Эпидемии инфекционных болезней вспыхивали среди них постоянно. В.А. Исупов прямо пишет о том, что в 1930-е гг. «численность аборигенных народов российского Севера сокращалась – по сути, они вымирали» (Исупов, 2000: 121). За 10 лет, между переписями 1926 и 1937 гг., сократилась или не выросла численность таких этносов, как удэ (удехе), каряки, чукчи, саами (лопари), ханты, манси и др. (Жиромская, 2001: 81–82; Всесоюзная перепись, 1937: 86–87; Всесоюзная перепись, вып. IV: 12, 20) К счастью, этот процесс не стал необратимым, его удалось остановить в последующие годы.

3. Обсуждение и результаты

В 1930-е гг. большинство населения РСФСР составляли русские. Их количество всё время росло в абсолютном и процентном отношении. Если по переписи 1926 г. в республике их проживало 74 042 тыс. (73,4 %), то в 1937 г. – 85 361 тыс. (82,1 %), в 1939 г. уже 90 306 тыс. (82,5 %) (Всесоюзная перепись, Вып. IV: V; Всесоюзная перепись, 1937: 88; Всесоюзная перепись, 1939: 59). За двенадцать лет количество русского населения увеличилось более чем на 16 млн человек. Русские проживали повсеместно. Наиболее высокий их процент фиксировался в Центрально-Промышленном, Западном и Северном регионах. По переписи 1939 г. русские составляли большинство населения в 54 из 66 областей, краев, автономных республик, автономных областей и городов федерального подчинения РСФСР (Всесоюзная перепись, 1939: 59–68). Вторым по численности народом, населявшим республику, являлись татары. Под этим собирательным термином понимались не только казанские татары, но и иные этнические группы: крымские, астраханские, пермские, сибирские, чепецкие, касимовские и другие татары. Численность татар всё время росла, в том числе и за счет включения в данную этническую группу родственных народов. В 1926 г. татар (без близких народов) насчитывалось 2 846 тыс. человек. В 1937 г. в состав татар включили бухарцев и кряшенов и их численность выросла до 3 087 тыс. По переписи 1939 г. татары-мишари (мишари), тептяри, нагайбаки, кряшены были также определены как татары. Их количество составило 3 901 тыс. человек (3,6 % от общего числа населения) (Всесоюзная перепись, Вып. IV: 14; Всесоюзная перепись, 1937: 89, 312; Всесоюзная перепись, 1939: 59, 246). Они перегнали украинцев, которые долгие годы составляли вторую по численности этническую группу после русских.

Это произошло за счет резкого сокращения украинцев на территории РСФСР. Если в середине 1920-х гг. их насчитывалось 7 873 тыс., то во второй половине 1930-х соответственно 3 087 тыс. (1937 г.) и 3 359 тыс., 3,1 % (1939 г.) (Всесоюзная перепись, Вып. IV: 2; Всесоюзная перепись, 1937: 88; Всесоюзная перепись, 1939: 59). Сокращение произошло в 2,5 раза, украинское население России уменьшилось на 4,5 млн человек. Это явление требует объяснения и комментариев. Тем более что масштабных изменений границ после 1926 г. между РСФСР и Украинской ССР не было.

Украинцы в 1920-е гг. на территории России проживали компактными ареалами. В трех приграничных губерниях – Брянской (в 1937–1944 гг. входила в Орловскую область), Воронежской и Курской по переписи 1926 г. их насчитывалось 1 762 043 человека. В Северо-Кавказском крае – 3 106 766, Казахской и Киргизской АССР – 924 950, Сибирском и Дальневосточном краях – 1 142 613 украинцев. Резкое уменьшение их численности во второй половине 1920-х – 1930-е гг. наводит на грустные выводы. Именно в это время в СССР прошла коллективизация, раскулачивание крестьян и их депортация, от голода погибли миллионы человек. Это были также годы массовых политических репрессий. Голод и террор не спрашивали национальности. От них пострадали представители многих этносов. Только на Северном Кавказе, где компактно проживали украинцы, от голода в начале 1930-х гг., по оценкам специалистов, погибло около 1 млн человек (Население России, 2000: 275). Поэтому первая причина, объясняющая резкое сокращение украинцев в эти годы, состоит в крайне драматичных экзогенных факторах. После выхода из состава РСФСР в 1936 г. Казахской и Киргизской АССР, преобразованных в союзные республики, около 1 млн украинцев были переведены на статистический учет в других субъектах. Была и третья причина, повлиявшая на сокращение численности украинцев. В 1920-е гг. на юге страны проводилась так называемая украинизация населения. Искусственное насаждение украинского языка и культуры отчасти совпадало с традициями сельского населения

кубанских станиц, которое самоидентифицировало себя с украинским этносом. Это проявлялось в языке, элементах материальной культуры, в т.ч. жилище, в одежде, пище, изделиях народных промыслов. По переписи 1926 г. в Армавирском, Кубанском и Черноморском округах Северо-Кавказского края (большая часть будущего Краснодарского края, образованного в 1937 г.) проживало 1 324 450 украинцев. Через двенадцать лет их в Краснодарском крае осталось лишь 149 874 человека, или 4,7 %. (Всесоюзная перепись, Вып. IV: 71, 74, 77; Всесоюзная перепись, 1939: 59). Тогда как в середине 1920-х гг. украинцы составляли более 37 % населения Северо-Кавказского края (Всесоюзная перепись, Вып. IV: 71–81). Они за это время «превратились» в русских. Политика украинизации была прекращена.

Белорусы, третий восточнославянский народ, также потерял свою численность. Но сокращения были не такими существенными, как у украинцев. В 1926 г. в РСФСР проживало 638 тыс., в 1937 г. – 349 тыс., в 1939 г. – 458 тыс. белорусов (0,4 %) (Всесоюзная перепись, Вып. IV: 2; Всесоюзная перепись, 1937: 88; Всесоюзная перепись, 1939: 59). Уменьшение белорусского этноса произошло на 28–45 %.

Увеличилось население коренных народов Поволжья. К концу 1930-х гг. после татар самыми многочисленными народами были: мордва (мордовцы, мордвины) – 1 376 тыс. (1,2 %), чувашаи – 1 346 тыс. (1,2 %), башкиры – 825 тыс. (0,7 %), удмурты (в т.ч. бесермяне) – 600 тыс. (0,5 %), марийцы – 476 тыс. (0,4 %) человек (Всесоюзная перепись, 1939: 59). На Северном Кавказе крупным народом были чеченцы, они вместе с ингушами составляли этническую группу вайнахи, которая насчитывала 491 тыс. человек (0,4 %). Крупными этносами являлись осетины – 196 тыс. (0,2 %), кабардинцы – 161 тыс. человек (0,1 %). Самой полиэтничной республикой оставалась Дагестанская АССР. Десятки аборигенных народов были объединены в собирательную группу «народности Дагестана». Она насчитывала 707 тыс. (0,6 %) человек. В Сибири крупными этносами являлись якуты – 242 тыс. (0,2 %), буряты – 221 тыс. (0,2 %) человек. Зыряне и пермяки в переписи 1939 г. были объединены в один этнос коми и насчитывали 415 тыс. человек (0,4 %). Почти на 400 тыс. за двенадцать лет увеличилось количество евреев (включая крымских и горских). Они насчитывали 957 тыс. человек (0,9 %). Крупными этносами являлись немцы – 862 тыс. (0,8 %), карелы – 250 тыс. (0,2 %), финны (собственно финны и финны ленинградские) – 139 тыс. (0,1 %), казахи – 357 тыс. (0,3 %), поляки – 147 тыс. (0,1 %), эсты – 132 тыс. (0,1 %) человек и др. (Всесоюзная перепись, 1939: 59).

Большинство населения РСФСР в конце 1930-х гг. составляли восточноевропейские народы: русские, украинцы, белорусы. Их доля составляла 86 % от общей численности населения республики. Они были представлены во всех областях, краях, автономных республиках и областях, национальных округах и городах федерального подчинения. Несколько народов также проживали во всех субъектах федерации. Это татары (казанские), евреи, поляки, немцы и цыгане. Такое распределение по территории РСФСР данных этносов объясняется разными причинами, прежде всего, историческими. Немцы и поляки являлись потомками переселенцев XVIII–XIX вв., которые осваивали огромные территории Российской империи. Так, немцы, как и представители других европейских народов – чехов, словаков, эстонцев и др., проживали компактно (колониями), в сельской местности и занимались сельским хозяйством. Поляки, как правило, проживали в городах и являлись специалистами (инженеры, врачи, учителя). Цыгане, которые вели кочевой образ жизни, присутствовали практически во всех регионах страны. Большая часть цыган перешла на оседлость только в 1950-е гг. Евреи после отмены черты оседлости в 1917 г., массово начали переселяться, прежде всего, в города. По переписи 1939 г. они занимали вторые места вслед за русскими в Москве и Ленинграде среди всех национальностей, обитавших в мегаполисах. В этих двух городах проживало 47 % евреев от общей численности данного этноса в России (Всесоюзная перепись, 1939: 59, 63). Присутствие в большинстве регионов евреев, как и татар, говорит о высоких адаптационных качествах этих народов.

В 1930-е гг. в СССР формировалась новая модель матримониального поведения. Традиционные ценности института брака и семьи подвергались серьезным испытаниям. Происходило это по двум причинам. Первая была связана с решениями Советского государства послереволюционных лет в отношении семьи и брака. Секуляризация брака, изъятие дел о браке и разводе из ведения церкви и передача этих функций государству,

отмена ограничений, связанных со вступлением в брак и его расторжением, декларация равноправия супругов, легитимизация незарегистрированных (фактических) браков привели к революционным изменениям. Второй причиной являлись сложные экзогенные факторы. Коллективизация, индустриализация, насильственная, а также вынужденная миграция, массовый голод, репрессии, невиданные темпы урбанизации, активная борьба с церковью привели к быстрому освобождению семейных отношений от механизмов социального ограничения, снижению влияния религии, исчезновению повседневного общественного деревенского контроля. Миллионы крестьян, хлынувшие в города в конце 1920-х – 1930-е гг., стали быстро усваивать более свободный стиль матримониального поведения ([Демографическая модернизация, 2006: 89, 90](#)). Следствием всего этого стало резкое увеличение разводов и неполных семей, снижение рождаемости, рост числа искусственных аборт. Массовый характер приобрела детская беспризорность и безнадзорность.

К 1935 г. число разводов, по сравнению с 1913 г., возросло в 68 раз. При этом средняя длительность брака при разводе была рекордно низкой и составляла менее пяти лет. Значение коэффициента суммарной разводимости середины 1930-х г. было достигнуто и превышено только через тридцать лет ([Демографическая модернизация, 2006: 89, 90](#)).

В 1930-е гг. изменилось положение женщины в обществе, выросла ее социальная роль. Если совсем недавно женщина традиционно занималась лишь домашними делами и была крайне незначительно вовлечена в общественную деятельность, то сейчас у нее появились реальные условия для самореализации. Произошло это по двум причинам. Во-первых, после революции 1917 г. права женщин были юридически признаны во всех сферах российского общества, включая семейно-брачные отношения. Во-вторых, в условиях коллективизации, индустриализации и культурной революции женский труд был активно востребован наравне с трудом мужчин.

Согласно Всесоюзной переписи 1926 г., в сельском хозяйстве СССР было задействовано 36 170 тыс. мужчин (50,4 %) и 35 565 тыс. женщин (49,6 %). Но женщины, работавшие в сельском хозяйстве, являлись в подавляющей массе (90,1 %) «помогающими членами семьи». Большинство из них совмещали участие в общественном производстве с работой в домашнем хозяйстве и выполнением семейных обязанностей. Вне сельского хозяйства (в других сферах народного хозяйства и социальных областях) женщина была востребована еще меньше. Если в середине 1920-х гг. в СССР в промышленности, строительстве, транспорте и др. было занято 7 818 тыс. мужчин (71,2 %), то женщин всего лишь 3 159 тыс. или 28,8 % ([Всесоюзная перепись, Вып. X: 7](#)).

Данные Всесоюзной переписи населения 1939 г. говорят о новой социальной роли женщины в обществе и ее активной востребованности в экономике. Процент (к итогу) женщин, занятых в народном хозяйстве СССР, составлял: промышленность – 15,8, сельское хозяйство – 61,5, лесное хозяйство – 0,7, строительство – 1,3, транспорт и связь – 2,5, торговля, заготовки и общественное питание – 4,5, жилищное и коммунальное хозяйство – 1,3, просвещение, наука, искусство, печать – 5,0, здравоохранение – 3,5, государственные учреждения, партийные и общественные организации – 2,0 ([Всесоюзная перепись, 1939: 97](#)). Таким образом, вне сельского хозяйства в конце 1930-х гг. трудилось 38,5 % женщин, занятых в экономике. Это было на 10 % больше, чем десять лет назад. Правда, материалы переписи 1939 г. не дают ответ на вопрос о том, насколько активной была женщина, например, в сельском хозяйстве. Продолжала ли она оставаться в роли «помогающих членов семьи» (таких в 1926 г. было 90 %), или общественный труд стал превалировать над домашними обязанностями.

Признанием нового статуса женщин в обществе стало выдвижение их на руководящую работу. Правда, этот процесс был сложным и зависел от многих факторов: региона проживания, традиций, преобладания титульной нации и др. Так, в конце 1930-х гг. среди руководителей партийных организаций, государственных, кооперативных и общественных учреждений и предприятий 17 автономных республик РСФСР доля женщин варьировалась от 16,5 % (Карелия) до 6,4 % (Чувашия). Чем больше был процент славянского населения в АССР (Карельская, Крымская республики), тем активнее женщины выдвигались на руководящую работу ([Всесоюзная перепись, 1939: 149, 152, 155, 158, 161, 163, 166, 168, 171, 173, 176, 178, 181, 183, 186, 188, 190](#)). В республиках с преобладанием титульных наций (Дагестан,

Коми, Чечено-Ингушетия, Чувашия, Якутия, Татарстан) процесс этот был более сдержанным и тормозился традиционными стереотипами о месте и роли женщины в обществе и семье ([Всесоюзная перепись, 1939: 149, 152, 155, 158, 161, 163, 166, 168, 171, 173, 176, 178, 181, 183, 186, 188, 190](#)).

Революционные изменения в матримониальных отношениях наряду со сложными экзогенными факторами говорили о первых признаках перехода от традиционного к современному типу воспроизводства населения, от патриархальной к современной (европейской) семье. Последняя, как известно, характеризовалась более поздним вступлением в первый брак (у мужчин и женщин), значительным количеством мужчин и женщин, оставшихся вне брака (или живших фактическим браком), сокращением числа детей в официальном браке, доступностью развода и др.

По переписи 1939 г. в РСФСР насчитывалось 23 960 527 семей. Большая их часть (80,52 %) состояли из 2–5 человек. Редкостью стали большие семьи, например, из 7 человек. Таких в конце 1930-х гг. было всего 5,42 % от общего количества семей. Тенденция к сокращению больших семей была характерна не только для России. В эти годы семьи, состоявшие из 7 человек, в Казахстане и республиках Средней Азии составляли от 4,92 % до 7,44 % от общей численности семей ([Всесоюзная перепись, 1939: 90-91](#)).

В 1920-е гг. государство лояльно относилось к теории отмирания семьи при социализме, романтизации свободных отношений между полами (А. Коллонтай, И. Арманд, А. Луначарский). В середине 1930-х гг. ситуация изменилась. Большое количество разводов, рост искусственного прерывания беременности, младенческой смертности, снижение рождаемости привели к смене государственной политики в области семейно-брачных отношений. Модель свободного матримониального поведения была подвергнута критике. Она уступила место идее семейного долга, «семья – ячейка советского общества». Следствием новой политики стало постановление 1936 г. о запрещении абортов, введение уголовной ответственности за неплатеж алиментов, ужесточение процедуры развода. В дальнейшие годы государство кардинально пересмотрело отношение к фактическому и юридическому браку ([Демографическая модернизация, 2006: 91](#)).

В 1930-е гг. стремительно росло население городов. Это было вызвано, прежде всего, бегством крестьян в города от голода и раскулачивания. По данным В.А. Исупова, в 1933 г. в города и поселки городского типа СССР прибыло 7,4 млн человек, выбыло из них – 6,6 млн человек. Общий объем валовой миграции составил 14 млн переселений ([Исупов, 2000: 85](#)). Вторая причина, по которой быстро росло население городов, заключалось в невиданных темпах индустриализации. Стройкам первых пятилеток остро нужны были рабочие руки. Поэтому в больших масштабах была востребована и неквалифицированная рабочая сила. Если по состоянию на 1926 г. в городах России проживало 17,7 % от всего населения, то в 1939 г. уже 33,7 % ([Всесоюзная перепись, 1937: 50, 51; Всесоюзная перепись, 1939: 22](#)). Городское население за 12 лет увеличилось почти в два раза. Быстро росли промышленные (Орск, Свердловск, Кемерово, Нижний Тагил, Челябинск, Ленинск-Кузнецкий, Дзержинск), шахтерские (Шахты, Прокопьевск, Анжеро-Судженск), портовые (Архангельск, Мурманск, Керчь, Таганрог, Владивосток) города. Увеличение городского населения за десять лет (1926–1937 гг.) составляло иногда 200–400 % и даже 1000 %. Рекорд абсолютного роста принадлежит городу Сталинску Западно-Сибирского края (современный Новокузнецк). Его население за эти годы увеличилось в 40 раз! ([Всесоюзная перепись, 1937: 60-64](#)) Росло и население столичных городов. Если за десять лет в релятивных показателях прирост составил относительно немного, 80–90 %, то абсолютные цифры увеличились значительно. В 1926 г. в Москве и Ленинграде проживало соответственно 2 млн и 1,5 млн, в 1937 г. уже 3,8 млн и 2,8 млн человек ([Всесоюзная перепись, 1937: 60](#)). Быстрый рост столичных городов сдерживался жесткими условиями прописки. Беспорядочная урбанизация привела к острому дефициту жилья, массовому нарушению санитарных норм, росту инфекционных заболеваний. В 1930-е гг. города стали более многонациональными. Так, в столичных городах, кроме восточнославянских народов (русские, украинцы, белорусы), проживали евреи, татары, мордовцы, армяне, поляки, эстонцы, немцы, финны и представители других этносов ([Всесоюзная перепись, 1939: 63](#)).

В 1920-е гг. низким оставался уровень грамотности населения России. При этом подходы, определявшие этот уровень, были весьма лояльными. Грамотным считался

гражданин (начиная с 5-летнего возраста), умеющий читать по слогам и написать свою фамилию на родном или русском языке ([Всесоюзная перепись, 1939: 245](#)). По переписи 1926 г. уровень грамотности в РСФСР составлял лишь 40,7 % (52,3 % у мужчин и 30,1 % у женщин) ([Всесоюзная перепись, Вып. VII: 95](#)).

В последующее десятилетие культурная революция и политика ликвидации неграмотности дали весомые результаты. В РСФСР в 1939 г. было 81,9 % грамотных в возрасте от 9 лет и старше (мужчин и женщин). При этом в возрастной категории 9–49 лет грамотных было 89,7 %, 50 лет и старше – 42,9 % ([Всесоюзная перепись, 1939: 40](#)). Однако работа по ликвидации неграмотности была не закончена. Перепись 1937 г. не зафиксировала ни одной возрастной группы населения СССР, в которой не было неграмотных. А в возрастных категориях 50–54, 55–59, 60–64, 65–69, 70 и более лет неграмотных было больше, чем грамотных. Прослеживается прямая зависимость возраста и уровня грамотности. Чем старше была возрастная группа обоих полов, тем выше был в ней процент неграмотных ([Всесоюзная перепись, 1937: 112](#)). Переписи 1937 г. и 1939 г. не подтвердили пропагандистский лозунг о сплошной грамотности населения. Поэтому данные переписи 1939 г. по грамотности были засекречены ([Жиромская, 2001: 180–181](#)).

Перепись населения 1939 г. зафиксировала рост грамотных среди всех 57 основных этносов СССР по сравнению с переписью 1926 г. За двенадцать лет процент грамотных значительно увеличился среди и мужчин, и женщин всех возрастных категорий. Правда, у женщин возрастной группы «50 лет и старше» он у большинства народов еще оставался невысоким ([Всесоюзная перепись, 1939: 83–85](#)).

Наиболее грамотными были представители европейских народов, проживавших в СССР. У них индекс грамотности был очень высоким и у мужчин, и у женщин. Так, процент грамотных в возрастной категории от 9 лет и старше обоих полов составлял: у немцев – 93,5 %, поляков – 84,1 %, греков – 82,7 %, эстонцев – 94,1 %, финнов (включая ленинградских финнов) – 95,6 %, латышей и латгальцев (латышей-католиков) – 93,4 %, болгар – 89,3 %, литовцев – 89,4 %, чехов и словаков – 96,3 % ([Всесоюзная перепись, 1939: 83](#)). Высокий уровень грамотности европейских народов, проживавших в СССР, объяснялся историческими, экономическими и другими причинами. Важным фактором являлись традиции семейного образования и изучение родного языка. Эти традиции активно поддерживались у тех представителей европейских народов, которые проживали на территории СССР и, прежде всего, РСФСР компактно, так называемыми колониями (землячествами). К ним отнесем немцев, эстонцев, чехов, словаков и представителей других европейских народов.

Высоким процент грамотности был у евреев. У мужчин и женщин в возрасте от 9 лет и старше он составлял в 1939 г. 94,3 %. Как известно, среди евреев, проживавших в СССР, помимо основной группы (ашкеназов), имелось достаточно много специфических этнических единиц: бухарские (среднеазиатские), грузинские, горские, крымские (крымчаки), курдистанские (лахлухи) евреи. Если в переписи 1926 г. они учитывались в большинстве своем как отдельные этносы, то в конце 1930-х гг. они выделены не были и входили в собирательную категорию «евреи» ([Всесоюзная перепись, 1939: 83, 246](#)). Определить уровень грамотности внутри этой группы очень сложно. В 1920-е гг. самый высокий индекс грамотности был у ашкеназов и крымчаков (60–70 %), у остальных этнических групп варьировался от 20 до 30 % ([Всесоюзная перепись, Вып. VII: 86](#)).

Достаточно высокими показателями грамотности были у восточнославянских народов (русские, украинцы, белорусы), проживавших в СССР: у русских – 83,4 %, украинцев – 84,3 %, белорусов – 78,0 % ([Всесоюзная перепись, 1939: 83](#)).

Политика ликвидации безграмотности привела к хорошим результатам у этносов Поволжья. Их уровень грамотности, по сравнению серединой 1920-х гг., вырос в 2–3 раза. В 1939 г. он составлял в возрастной группе от 9 лет и старше обоих полов: у татар (включая мишарей, кряшенов, тептярей, нагайбаков, крымских татар) – 77,9 %, башкир – 72,4 %, марийцев – 70,6 %, мордовцев – 68,1 %, чувашей – 78,2 %, удмуртов (включая бесермян) – 70,6 % ([Всесоюзная перепись, 1939: 83, 246](#)).

Уступали по уровню грамотности другим народам этносы Севера и Северного Кавказа. Всесоюзная перепись населения 1939 г. объединила в одну группу «народности Севера» 27 малочисленных этносов, проживавших на севере европейской части СССР, Западной

и Восточной Сибири, Дальнем Востоке. К этой группе были отнесены: саами, манси, ханты, ненцы, энцы, нганасаны, селькупы, кеты, долганы, тофалары, эвенки, негидальцы, эвены, удэгейцы, орочи, нанайцы, ульчи, ороки, юкагиры, чуванцы, чукчи, коряки, кереки, алюторцы, ительмены, эксимосы, алеуты ([Всесоюзная перепись, 1939: 247](#)). Аморфная категория «народности Севера», по сравнению с 1926 г., была значительно расширена. Тогда в нее включили лишь шесть малочисленных этносов – гольдов, чукчей, коряков, камчадалов, гиляков, эскимосов.

Уровень грамотности «народностей Севера» в 1939 г. составлял 42,5 %. При этом грамотных в категории 9–49 лет было 51 %, в категории 50 лет и старше лишь 6,3 %. Грамотных мужчин во всех возрастных категориях было на 7–12 % больше, чем женщин. Среди женщин старше пятидесяти лет грамотных практически не было ([Всесоюзная перепись, 1939: 83, 85](#)).

У якутов и бурят индекс грамотности всех возрастных категорий обоих полов составлял соответственно 53,7 и 67,6 %. Однако с повышением возраста он резко снижался. У якутов грамотных мужчин старше 50 лет было 8,1 %, женщин – 1,6 %, у бурят – 32,5 и 4,7 % ([Всесоюзная перепись, 1939: 83–85](#)).

Резко, по сравнению с серединой 1920-х гг., увеличились средние показатели грамотности у этносов Дагестана и Северного Кавказа. Культурная революция пришла даже в самые отдаленные кавказские аулы. Так, среди собирательной группы «народности Дагестана», куда входило 25 этнических единиц, индекс грамотности увеличился в одиннадцать раз и составил 66,2 % во всех возрастных группах обоих полов. Такой стремительный рост показателей грамотности являлся одним из лучших среди других этносов Северного Кавказа. Все они также значительно прибавили в своем культурном развитии. Средние данные грамотности в конце 1930-х гг. составили: у чеченцев – 42,8 %, осетин – 70,4 %, кабардинцев – 63,9 %, ингушей – 39,2 %, карачаевцев – 62,0 %, балкарцев – 63,6 %, ногайцев – 55,8 %, адыгейцев и черкесов – 68,5 %. Показатели грамотности этих народов выросли в 3–9 и даже в 12–15 раз (балкарцы и чеченцы) ([Всесоюзная перепись, 1939: 83](#)).

Несмотря на очевидные достижения в области распространения грамотности у этносов Северного Кавказа, как и в большинстве национальных автономий страны, имелись серьезные проблемы. Уровень грамотности жителей городов был значительно выше, чем сельских жителей. Мужчины и женщины 1889 г.р. и старше значительно уступали по уровню грамотности своим более молодым соплеменникам. Женщины автономных республик и областей Северного Кавказа и Дагестанской АССР в возрасте от 9 до 49 лет были на ступень ниже по уровню грамотности, чем мужчины, а старше 50 лет в основной своей массе были неграмотными. Уровень их грамотности колебался от 1,2 % (чеченки) до 10,9 % (адыгейки и черкешенки) ([Всесоюзная перепись, 1939: 84–85](#)).

Это объясняется не только историческими причинами, стереотипами о традиционной роли женщины в обществе, религиозностью и др., но и сложными экзогенными факторами, политической турбулентностью, вносившими свои существенные коррективы в уровень грамотности населения региона и страны в целом.

Советская власть, провозгласившая равноправие мужчин и женщин, предоставила последним право на образование. В новых социальных условиях женщины, прежде всего молодые, это право активно реализовывали.

Обратимся к воспоминаниям Евгении Джамурзовны Налоевой, кандидата исторических наук, доцента Кабардино-Балкарского государственного университета. Она родилась в 1920 г. (по другим данным в 1922 г.) в Кабардинской АО в зажиточной кабардинской семье, имевшей осетинские корни. В 1929 г. ее отец был арестован и осужден по 58-й статье УК РСФСР на восемь лет. Семью, где было шестеро детей, было решено выслать в Северный край, имущество конфисковать. Они принимают решение бежать в Таджикистан, где уже скрывался от репрессий старший брат Евгении Аслангери. В 1934 г. отца освободили, в 1935 г. семья вернулась на Кавказ. В Таджикистане погиб от тифа младший брат Адальгери. Отец устроил Евгению вместе со старшей сестрой у знакомых в Орджоникидзе, а сам с женой вернулся в родное село Старый Урух. Евгения Джамурзовна поступила рабочей в чулочно-швейную мастерскую, вступила в комсомол, ее избрали секретарем комсомольской организации. Она стала членом бюро райкома комсомола и была

рекомендована на учебу (Налоева, 2018: 11, 12, 50, 51). Вот как она вспоминает то время: «Я солгала, что отучилась в школе, так как по возрасту должна была уже отучиться в школе. На самом деле в школе у себя в селе я проучилась три года. Но за эти три года я окончила пять классов... На протяжении нашей тяжелой жизни в Средней Азии я нигде не училась, но читала всё, что только мне попадалось из книг... И вот я – такая разбитная комсомолочка, но сразу видно, что неграмотная. Вот почему меня решили выдвинуть на учебу.

В индустриальный техникум меня не взяли, а взяли в педтехникум, в первую подготовительную группу. Первую подготовительную группу я посещала три месяца. Боже мой, день и ночь я сидела за книгами. Из того, что нам задавали, я почти ничего не знала и поэтому день и ночь читала. Потом перевели в старшую подготовительную группу...

Когда меня перевели к первокурсникам, очень удивилась, увидев на доске математическую формулу. У меня не было представления, что такое алгебра, геометрия, физика. Эти термины вообще были мне неизвестны, и вдруг я вижу эту формулу. Но мне показалось, что я это смогу одолеть, и, действительно, я настолько сильно полюбила математику, что преуспела в ней...

На первом курсе я стала отличницей и по математике, и по физике, и по биологии» (Налоева, 2018: 51-52).

В мае 1950 г. Евгения Джамурзовна, работавшая ассистентом кафедры истории Кабардинского пединститута, была арестована органами МГБ по 58-й статье УК РСФСР. Постановлением Особого совещания при МГБ СССР от 17 февраля 1951 г. она была приговорена к 8 годам лишения свободы. В связи со смертью Сталина, Е.Д. Налоева попала под амнистию, но отказалась выходить на свободу, требуя полной реабилитации. Была освобождена лишь в августе 1956 г. из мест заключения по состоянию здоровья (острая форма туберкулеза). В августе 1963 г. полностью реабилитирована и восстановлена на работу в Кабардино-Балкарский государственный университет. Скончалась Евгения Джамурзовна в 2007 г. (Налоева, 2018: 13, 14).

Судьба Е.Д. Налоевой типична для поколения, чьи детские и юношеские годы пришлось на время глобальных социальных экспериментов. Пережив голод, политические репрессии, потери близких, депортации, вынужденные переезды, они сохранили в себе желание учиться, жажду знаний и открытий. Трудности их не сломили. Когорта молодых людей 1920-х годов рождения вместе со страной победила фашизм и послевоенную разруху.

Важным представляется соотношение национальности и родного языка. Не у всех этносов, проживавших в 1930-е гг. в СССР и РСФСР, эти понятия совпадали. Во-первых, это было связано с процессами ассимиляции и этнической интеграции. Сближению способствовали такие факторы, как длительное проживание в одном месте и одном ландшафте, общие эндогенные процессы и тип хозяйствования, одна религия, отсутствие внешних различий, похожие духовные ценности и менталитет. История в XX в. знала много примеров культурной ассимиляции одного, как правило, менее многочисленного этноса другим, более крупным. В этом отношении (с оговорками) можно привести такие примеры: удмурты – бесермяне, якуты – долгане, армяне – езиды, татары (казанские) – бухарцы, кряшены, тептяри и т.д. Самый мощный вектор ассимиляции был направлен в сторону русского народа и русского языка.

По переписи 1939 г. из 170,5 млн жителей СССР родным считали русский, а не язык своей национальности, почти 7 млн человек, или более 4 %. Высокие показатели несоответствия *своя национальность – родной язык* были у восточноевропейских народов. У белорусов и украинцев соответственно 12,7 и 11,95 %. То есть более 4 млн представителей этих этносов в качестве родного указали русский язык (Всесоюзная перепись, 1939: 80).

Второй причиной, по которой утрачивал свое значение родной язык, были адаптационные процессы. Многим некоренным народам, чтобы выжить, приходилось приспособливаться к реальным условиям и окружающей среде. Родным языком считали в конце 1930-х гг. русский 62,84 % литовцев, 54,64 % евреев, 42 % латышей. Высоким процент признания в качестве родного языка русского был зафиксирован у эстонцев, чехов, словаков, греков, поляков. Всего родным языком считало русский 62,39 % жителей СССР. В этих условиях закономерным выглядит соотношение *своя нация – родной язык* у русских. 99,84 % русских назвали родным язык своей национальности. Большинство титульных

наций автономий страны указали в качестве родного языка своего этноса ([Всесоюзная перепись, 1939: 80](#)).

Образование в РСФСР в 1920–1930-е гг. не получило масштабного развития. Система среднего и высшего образования только формировалась. По переписи 1939 г., на 1 000 населения в РСФСР приходилось 77 человек со средним, в том числе незаконченным образованием, и 7 человек с высшим ([Жиромская, 2001: 182-185](#)).

Важной частью социальной жизни в России продолжала оставаться религия. Этот вопрос достаточно хорошо изучен в отечественной исторической литературе ([Жиромская, 2001: 185–217](#); [Араловец, 2009: 35-38](#)). Остановимся на самых важных моментах. Вопрос об отношении к религии был включен в переписной лист Всесоюзной переписи населения 1937 г. под номером 5. Инструкция к заполнению переписного листа предписывала счетчику опрашивать по этому пункту респондента, начиная с 16 лет и старше. Если опрашиваемый считал себя неверующим, необходимо было записывать «неверующий». Для верующих предписывалось записывать название религиозного течения, к которому они себя относили ([Всесоюзная перепись, 1937: 276-277](#)).

Пожалуй, именно вопрос об отношении к религии был самым острым. Он породил множество слухов и небылиц. Для этого были серьезные основания. Верующие опасались преследований, т.к. знали отношение советской власти к религии. В памяти были живы воспоминания о массовых репрессиях верующих в ходе коллективизации.

Самыми распространенными были слухи о том, что всех верующих «выбросят из колхозов», «должны забрать», «будут ссылать; с верующих будут брать налоги, детей верующих выбросят из школы» и т.д.

Устойчивым был слух о том, что большое количество верующих заставит власть открыть церкви, возобновить богослужения, вернуть из ссылки священнослужителей. Надежды верующих в том числе были связаны с принятой в декабре 1936 г. новой Конституцией СССР ([Всесоюзная перепись, 1937: 310-311](#); [Жиромская, 2001: 185-191](#)).

В условиях массовых репрессий, начавшихся после убийства С.М. Кирова 1 декабря 1934 г., в атмосфере страха и политической турбулентности некоторые утаили свое истинное отношение к вере. Но и в этой сложной обстановке большая часть населения своих убеждений не скрывала. В итоге перепись 1937 г. в целом по СССР дала следующие итоги. Среди граждан в возрасте 16 лет и старше верующих оказалось 55,3 млн (56,7 %) против 42,2 млн неверующих (43,3 %) от общего числа населения, выразившего свое отношение к религии. 0,9 млн человек отказались ответить на этот вопрос ([Жиромская, 2001: 191](#)).

Материалы переписи 1937 г. позволили фрагментировать все крупные религиозные течения, существовавшие на территории СССР. Самым распространенным религиозным учением было христианство. Христианами признали себя почти 80 % всех верующих Советского Союза ([Жиромская, 2001: 205](#)). Были учтены все течения христианства: православные, включая старообрядцев, автокефалистов, иоаннитов и проч., армяно-григориане, католики, протестанты. Самой многочисленной группой среди всех религиозных направлений были православные. Они составляли 75,3 % от верующего населения обоих полов СССР ([Жиромская, 2001: 206](#)). Кроме христиан выделялись мусульмане (магометане), составлявшие 14,9 % от всех верующих, иудеи, буддисты и ламаисты, шаманисты, включая бурханистов, хэри-мапа и др. ([Жиромская, 2001: 206](#); [Всесоюзная перепись, 1937: 313](#)).

Несмотря на мощную антирелигиозную пропаганду, борьбу с церковью и верующими, верования играли в российском обществе большую роль. У православных в 1930-е гг. были популярны крестины, отпевание, празднования Пасхи и другие религиозные обряды. Но все это постепенно переходило в нелегальную, теневую сферу жизни верующих граждан. Часто обряды крещения и отпевания совершали тайно, без свидетелей, скрывая их от посторонних глаз. Религиозные праздники отмечали, как правило, дома, тихо, по-семейному. Как рассказывала мама, Татарина Таисия Александровна, автору этих строк, в середине 1930-х гг. в городе Вятке (ныне Кирове) учителя в школе после пасхальной ночи активно интересовались у учеников, пекли ли дома куличи, красили ли яйца и т.д. Родители строго наказывали детям не рассказывать об этом в школе, отвечать на подобные вопросы отрицательно.

В переписи населения 1939 г. вопрос об отношении к религии был исключен, т.к. несложно было спрогнозировать ответы населения о вере в Бога. Правда, вскоре, в годы Великой Отечественной войны, под влиянием драматических событий и потерь властям пришлось пойти верующим и церкви на определенные уступки.

4. Заключение

Подводя итоги демографическому развитию российских этносов в 1930-е гг., необходимо отметить, что оно проходило в крайне неблагоприятных условиях. Народы России пережили массовый голод 1932–1933 гг., миграции, депортации, раскулачивание, Большой террор и локальные войны. Всё это пагубно влияло на качество жизни этносов и имело разрушительные последствия для их демографического здоровья. В 1930–1931 гг., в период раскулачивания, около двух миллионов человек подверглись насильственной высылке на спецпоселения. В середине 1930-х гг. по этническому признаку было депортировано около 300 тыс. корейцев, финнов, поляков и курдов. Переселения носили прелиминарный характер, были направлены против несуществующей пятой колонны. В период Большого террора, за неполные два года, страна потеряла 1 млн человек погибшими. В это время органами НКВД СССР было проведено десять национальных операций против выходцев из тех стран, которые, по мнению Сталина, составляли враждебное окружение по периметру границ СССР. В ходе всех национальных операций, по некоторым данным, было осуждено около 350 тыс. человек, более 70 % из которых приговорено к смертной казни.

Голод 1932-1933 гг., ставший следствием коллективизации, разрушения села, раскрестьянивания, привел к гибели миллионов людей. Только в РСФСР в 1933 г. погибло 3 млн человек. Трагические экзогенные факторы привели в первой половине 1930-х гг. к высоким показателям смертности, сокращению средней продолжительности жизни, массовым эпидемиям.

Проведенные в 1937 и 1939 гг. Всесоюзные переписи населения не устроили советское руководство. Их результаты не отражали успехов социалистического строительства. Переписи не подтвердили высоких темпов ежегодного прироста населения, пропагандистских лозунгов о сплошной грамотности, всеобщем атеизме, обнажили масштабы демографических потерь. В итоге перепись 1937 г. была объявлена дефектной, а ее материалы на пятьдесят лет засекречены. Частично были засекречены и материалы Всесоюзной переписи 1939 г. Тем не менее материалы переписей дают богатый материал для характеристики демографического поведения российских этносов в 1930-е гг. Количество народов в переписях всё время уменьшалось. Если перепись 1926 г. зафиксировала на территории СССР около 200 этносов и учла даже самые малые национальные единицы, то перепись 1937 г. выявила данные по 109, перепись 1939 г. – по 57 «основным» этносам.

Большинство населения РСФСР в исследуемый период составляли русские. Их в 1939 г. насчитывалось более 90 млн человек, или 82,5 % от общего числа жителей республики. Впервые более чем за два столетия истории России русские стали составлять большинство населения. Другие восточноевропейские народы (украинцы и белорусы) значительно сократили свою численность. Многие аборигенные народы Поволжья (прежде всего татары), Северного Кавказа, Сибири увеличили свою численность. Серьезные проблемы в демографическом развитии испытали малые народы Севера.

В 1930-е гг. формировалась новая модель матримонильного поведения. Решения Советского государства послереволюционных лет, а также социальные катаклизмы привели к быстрому освобождению семейных отношений от механизмов социального ограничения и общественного контроля. Следствием этого стало резкое увеличение разводов, неполных семей, снижение рождаемости, рост числа искусственных аборт, детская беспризорность приобрела массовый характер.

В 1930-е гг. изменилось положение женщины в обществе, выросла ее социальная роль. Женщина активно вовлекалась в общественную деятельность, у нее появились реальные условия для самореализации, женский труд был востребован наравне с трудом мужчин. При этом в национальных автономиях процесс этот был более сдержанным и тормозился стереотипами о месте женщины в обществе и семье.

1930-е годы характеризовались массовой миграцией, невиданными темпами индустриализации и урбанизации. Городское население с 1926 по 1939 гг. увеличилось в два раза и составляло более 1/3 всего населения РСФСР. Быстро росли промышленные, шахтерские и портовые города. Это привело к острому дефициту жилья, массовому нарушению санитарных норм, росту числа инфекционных заболеваний.

Политика ликвидации неграмотности дала серьезные результаты. Если в 1926 г. в России уровень грамотности составлял лишь 40,7 %, то в 1939 г. уже 81,9 %. Практически все этносы прибавили в своем культурном развитии. Но и здесь существовали проблемы. Не было ни одной возрастной группы, в которой отсутствовали неграмотные. Чем старше была возрастная группа обоих полов, тем выше был в ней процент неграмотных. Женщины национальных автономий старше 50 лет были в основном неграмотными.

В 1930-е гг. продолжались процессы ассимиляции и этнической интеграции. Самый мощный вектор ассимиляции был направлен в сторону русского этноса, языка и культуры. В конце десятилетия родным языком считали русский 7 млн жителей СССР (более 4 %) нерусской национальности.

Важной частью социальной жизни оставалась религия. По переписи 1937 г. среди граждан СССР в возрасте 16 лет и старше верующих (всех конфессий) оказалось 55,3 млн (56,7 %) против 42,2 млн. неверующих (43,3 %) от общего числа населения, выразившего свое отношение к религии. Такой итог был получен несмотря на мощную антирелигиозную пропаганду, атмосферу страха, преследования верующих, аресты священнослужителей, массовое закрытие храмов и приходов в годы коллективизации. Многие не стали скрывать своего истинного отношения к вере.

В 1930-е гг. демографическое развитие российских этносов проходило под влиянием крайне сложных экзогенных факторов. Рождаемость, смертность, брачность, разводимость, заболеваемость, уровень образования и грамотности, религиозности и другие демографические показатели народов напрямую зависели от политических процессов, глобальных социальных экспериментов и катаклизмов. В этих условиях многим этносам, особенно малочисленным, очень трудно было сохранить свои национальные корни, самобытность и культурное своеобразие. Массовые политические репрессии, этнические депортации, национальные операции, проведенные НКВД СССР, заставили многих представителей нацменьшинств прятать свои корни. Польская, немецкая или греческая фамилии могли стать основанием для ареста и осуждения по 58-й статье УК РСФСР. «Неправильная» национальность была поводом для подозрений и преследований. Поэтому при любом удобном случае представители «подозрительных» национальностей меняли фамилии, записывались русскими или украинцами, скрывали этнические корни.

1930-е годы побили рекорды по бедам и страданиям, выпавшим на долю страны и ее многочисленных народов. Впрочем, наступавшие 1940-е принесли еще больше несчастий и потерь.

5. Благодарности

Публикация подготовлена в соответствии с Планом научной работы Института российской истории РАН.

Литература

[Араловец, 2009](#) – Араловец Н.А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула: Гриф и К, 2009. 304 с.

[Всесоюзная перепись, Вып. IV](#) – Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. 138 с.

[Всесоюзная перепись, Вып. V](#) – Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: Краткие сводки. Вып. V: Возраст и грамотность. Европейская часть РСФСР. Белорусская ССР. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. 86 с.

[Всесоюзная перепись, Вып. VII](#) – Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: Краткие сводки. Вып. VII: Возраст и грамотность населения СССР. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. 111 с.

Всесоюзная перепись, Вып X – Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: Краткие сводки. Вып. X: Население Союза ССР по положению в занятии и отраслям народного хозяйства. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1929. 250 с.

Всесоюзная перепись, 1937 – Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. М.: РОССПЭН, 2007. 320 с.

Всесоюзная перепись, 1939 – Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М.: Наука, 1992. 256 с.

Демографическая модернизация, 2006 – Демографическая модернизация России. 1900–2000 / под ред. А. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.

Жиромская, 2001 – *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001. 280 с.

Земсков, 1991 – *Земсков В.Н.* Заключенные, спецпоселенцы, ссыльпоселенцы, ссыльные и высланные (Статистическо-географический аспект) // *История СССР*. 1991. № 5. С. 151–165.

Земсков, 2005 – *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2005. 306 с.

История Гулага, 2004 – История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов: в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2004. 728 с.

История государства, 1999 – История отечественного государства и права. Ч. II / под ред. О.И. Чистякова. М.: БЕК, 1999. 491 с.

Исупов, 2000 – *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.

Кропачев, 2009 – *Кропачев С.А.* Международная научная конференция в Париже о сталинском «большом терроре» // *Российская история*. 2009. № 1. С. 206–213.

Кропачев, 2010 – *Кропачев С.А.* Масштабы демографических потерь СССР. Начало 1930-х – середина 1940-х годов. Проблемы отечественной истории и историографии: сборник научных статей. Краснодар: Экоинвест, 2010. 296 с.

Кропачев, 2011 – *Кропачев С.А.* «Большой террор» и его жертвы в зеркале советской пропаганды 1937–1938 гг. // *Российская история*. 2011. № 2. С. 116–124.

Кропачев, 2018 – *Кропачев С.А.* Демографические потери населения СССР. Начало 1930-х – середина 1940-х годов. Проблемы российской истории и историографии. Майкоп: Полиграф-Юг, 2018. 280 с.

Кропачев, Селицкий, 2016 – *Кропачев С.А., Селицкий А.И.* Мартиролог поляков Кубани. Репрессированные в ходе «польской операции» НКВД 1937–1938 гг. Майкоп: Полиграф-Юг, 2016. 220 с.

Лубянка, 2004 – Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М.: МФД, 2004. 736 с.

Налоева, 2018 – *Налоева Е.Д.* Наука быть Человеком (Воспоминания, переписка, документы) / сост. А.С. Мирзоев. Нальчик: Печатный двор, 2018. 720 с.

Население России, 2000 – Население России в XX веке: в 3-х т. Т. 1 / отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2000. 463 с.

Поляков, 1986 – *Поляков Ю.А.* Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М.: Наука, 1986. 272 с.

Репрессии против поляков, 1997 – Репрессии против поляков и польских граждан. М.: Звенья, 1997. 256 с.

Соломон, 1998 – *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 1998. 462 с.

References

Aralovets, 2009 – *Aralovets, N.A.* (2009). *Gorodskaiia sem'ia v Rossii, 1927-1959 gg.* [Urban family in Russia, 1927–1959]. Tula: Grif and K, 304 p. [in Russian]

- [Demograficheskaiia modernizatsiia, 2006](#) – *Visnevskii, A.*, ed. (2006). Demograficheskaiia modernizatsiia Rossii. 1900–2000. [Demographic modernization of Russia. 1900–2000]. M.: Novoe izdatel'stvo, 608 p. [in Russian]
- [Istoriia gosudarstva, 1999](#) – *Chistiakov, O.I.*, ed. (1999) Istoriia otechestvennogo gosudarstva i prava. Ch. II. [History of the national state and law. Part II]. Moscow: BEK, 491 p. [in Russian]
- [Istoriia Gulaga, 2004](#) – *Vert, N., Mironenko, S.V.*, ed. (2004). Istoriia stalinskogo Gulaga. Konets 1920-kh – pervaiia polovina 1950-kh godov: Sbranie dokumentov: v 7 t. T. 1. Massovyie repressii v SSSR. [History of the Stalinist Gulag. The end of the 1920s – the first half of the 1950s: A collection of documents in 7 volumes. Vol. 1. Mass repressions in the USSR]. M.: ROSSPEN, 728 p. [in Russian]
- [Isupov, 2000](#) – *Isupov, V.A.* (2000). Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoi polovine XX veka: Istoriko-demograficheskie ocherki [Demographic catastrophes and crises in Russia in the first half of the 20th century: Historical and demographic essays]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 244 p. [in Russian]
- [Kropachev, 2009](#) – *Kropachev, S.A.* (2009) Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia v Parizhe o stalinskom “bol'shom terrore” [International scientific conference in Paris on Stalin's “great terror”]. *Rossiiskaia istoriia*. 1: 206-213. [in Russian]
- [Kropachev, 2010](#) – *Kropachev, S.A.* (2010). Masshtaby demograficheskikh poter' SSSR. Nachalo 1930-kh – seredina 1940-kh godov. Problemy otechestvennoi istorii i istoriografii: sbornik nauchnykh statei [The Scale of demographic losses in the USSR. Early 1930s – mid-1940s. Problems of national history and historiography: collected articles]. Krasnodar: Ekoinvest, 296 p. [in Russian]
- [Kropachev, 2011](#) – *Kropachev, S.A.* (2011). “Bol'shoi terror” i ego zherty v zerkale sovetskoi propagandy 1937–1938 gg. [“The Great terror” and its victims in the mirror of Soviet propaganda 1937–1938]. *Rossiiskaia istoriia*. 2: 116-124. [in Russian]
- [Kropachev, 2018](#) – *Kropachev, S.A.* (2018) Demograficheskie poteri naseleniia SSSR. Nachalo 1930-kh – seredina 1940-kh godov. Problemy rossiiskoi istorii i istoriografii. [Demographic losses of the USSR population. Early 1930s – mid-1940s. Problems of Russian history and historiography]. Maykop: Poligraf-Iug, 280 p. [in Russian]
- [Kropachev, Selitsky, 2016](#) – *Kropachev, S.A., Selitsky, A.I.* (2016) Martirolog poliakov Kubani. Repressirovannye v khode “pol'skoi operatsii” NKVD 1937-1938 gg. [Martyrology of Kuban poles. Repressed during the “Polish operation” of the NKVD in 1937-1938]. Maykop: Poligraf-Iug, 220 p. [in Russian]
- [Lubyanka, 2004](#) – *Lubianka*. Stalin i Glavnoe upravlenie gosbezopasnosti NKVD. Arkhiv Stalina. Dokumenty vysshikh organov partiinoi i gosudarstvennoi vlasti. 1937-1938. (2004) [The Lubyanka. Stalin and The main Directorate of state security of the NKVD. Archive of Stalin. Documents of the highest bodies of party and state power. 1937–1938]. Moscow: MFD. 736 p. [in Russian]
- [Naloeva, 2018](#) – *Naloeva, E.D.* (2018) Nauka byt' Chelovekom (Vospominaniia, perepiska, dokumenty). [Science to be the Human (Memories, correspondence, papers)]. Nalchik: Pechatnyi dvor, 720 p. [in Russian]
- [Polyakov, 1986](#) – *Polyakov, Iu.A.* (1986) Sovetskaia strana posle okonchaniia grazhdanskoi voiny: territoriia i naselenie. [Soviet country after the end of the civil war: territory and population]. Moscow: Nauka, 272 p. [in Russian]
- [Population of Russia, 2000](#) – *Poliakov, Iu.A.*, ed. (2000) Naselenie Rossii v XX veke: v 3-kh t. T. 1. [Population of Russia in the 20th century. In 3 vols. Vol. 1]. M.: ROSSPEN, 463 p. [in Russian]
- [Repressii protiv poliakov 1997](#) – *Repressii protiv poliakov i pol'skikh grazhdan (1997)* [Reprisals Against Poles and Polish citizens]. Moscow: Zven'ia, 256 p. [in Russian]
- [Solomon, 1998](#) – *Solomon, P.* (1998) Sovetskaia iustitsiia pri Staline [Soviet justice under Stalin]. M.: ROSSPEN, 462 p. [in Russian]
- [Vsesoiuznaia perepis', 1937](#) – *Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1937 goda: Obshchie itogi. Sbornik dokumentov i materialov.* (2007) [All-Union population census of 1937: General results. Collection of documents and materials]. Moscow: ROSSPEN, 320 p. [in Russian]
- [Vsesoiuznaia perepis', 1939](#) – *Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1939 goda: Osnovnye itogi.* (1992) [All-Union population census of 1939: Main results]. Moscow: Nauka, 256 p. [in Russian]

[Vsesoiuznaia perepis', Vyp. IV](#) – Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 17 dekabria 1926 g.: Kratkie svodki. Vyp. IV: Narodnost' i rodnoi iazyk naseleniia SSSR. (1928) [All-Union population census on December 17, 1926: Brief summaries. Issue IV: Nationality and native language of the population of the USSR]. M.: Publication of the CSU of the USSR, 138 p. [in Russian]

[Vsesoiuznaia perepis', Vyp. V](#) – Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 17 dekabria 1926 g.: Kratkie svodki. Vyp. V: Voзраст i gramotnost'. Evropeiskaia chast' RSFSR. Belorusskaia SSR. (1928) [All-Union population census on December 17, 1926: Brief summaries. Issue V: Age and literacy. European part of the RSFSR. Byelorussian SSR]. M.: Publication of the CSU of the USSR, 86 p.

[Vsesoiuznaia perepis', Vyp. VII](#) – Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 17 dekabria 1926 g.: Kratkie svodki. Vyp. VII: Voзраст i gramotnost' naseleniia SSSR. (1928) [All-Union population census of December 17, 1926: Brief summaries. Issue VII: Age and literacy of the population of the USSR]. M.: Publication of the CSU of the USSR, 111 p. [in Russian]

[Vsesoiuznaia perepis', Vyp. X](#) – Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 17 dekabria 1926 g.: Kratkie svodki. Vyp. Kh: Naselenie Soiuza SSR po položeniiu v zaniatii i otrasliam narodnogo khoziaistva. (1929) [All-Union population census of December 17, 1926: brief summaries. Issue X: Population of the USSR on the situation in employment and branches of the national economy]. M.: Publication of the CSU of the USSR, 250 p. [in Russian]

[Zemskov, 1991](#) – *Zemskov, V.N.* (1991). Zakliuchennye, spetsposelentsy, ssyl'poselentsy, ssyl'nye i vyslannye (Statisticheskogeograficheskii aspekt). [Prisoners, special settlers, exiles, exiles (Statistical and geographical aspect).] *Istoriia SSSR*, № 5, pp. 151–165. [in Russian]

[Zemskov, 2005](#) – *Zemskov, V.N.* (2005). Spetsposelentsy v SSSR, 1930–1960. [Special settlers in the USSR, 1930–1960.] Moscow: Nauka, 306 p. [in Russian]

[Zhiromskaya, 2001](#) – *Zhiromskaya, V.B.* (2001). Demograficheskaiia istoriia Rossii v 1930-e gg. Vzgliad v neizvestnoe. [Demographic history of Russia in the 1930s. A look into the unknown.] Moscow: ROSSPEN, 280 p. [in Russian]

Эволюция моделей демографического поведения этносов России в 1930-е годы

Сергей Александрович Кропачев ^{a, *}

^a Институт российской истории РАН, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена изменениям демографического поведения этносов России в 1930-е годы, – изменениям, которые произошли, прежде всего, под влиянием крайне негативных экзогенных факторов. Рождаемость, смертность, брачность, разводимость, болезни, уровень образования и грамотности, религиозности и другие демографические показатели народов анализируются в контексте политических процессов, глобальных социальных экспериментов и катаклизмов. В этих сложных условиях многим этносам, особенно малочисленным, очень трудно было сохранить свои национальные корни, самобытность и культурное своеобразие. Исследуются факторы, определившие на долгие годы уклад и качество жизни народов России.

Ключевые слова: 1930-е годы, административно-территориальное деление, демография, репрессивная политика, Россия, РСФСР, этносы.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: rektor@eipk.info (С.А. Кропачев)